

Цена 20 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ССОР И РСФОР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **В. БАГРИЦКОГО** А. ВОЛОТНИКОВА
М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО
М. СУБОЦКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧ.

№ 88 (404)

14 ИЮЛЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕМЫ

— А Лейтес —

«Не люблю я чепухой заниматься» — ворчал в чеховском рассказе гробовщик Яков, когда ему приносили заказ на маленькие гробики. Ворчал временами и Чехов (в своих письмах), чувствуя, что на всю жизнь он обречен создавать маленькие рассказы и укладывать в эти тщательно отделанные гробики настроения серых неудачников, хмурых, пришибленных безвременьем, людей. Сколько раз садился Чехов за большой сюжетный роман, радостно сообщая об этом в письмах Плещееву и Суворину. Как часто и как настойчиво мечтал он о большом полотне! Писательской силы, усидчивости хватило бы ему на десятки романов. Но роман не вытанцовывался.

«О чем писать? Какие подвиги воспевать? Подвигов нет, их место заступило унылое балансирование. Чехов нет, их место заступили люди, у которых трясется поджилки. Что же остается?.. Очевидно, остается грустить вместе с вами, остается быть летописцем вздохов» — так говорил Салтыков-Щедрин, как бы предвосхищая литературный путь «летописца вздохов» Антона Павловича Чехова.

«Люди, у которых трясется поджилка», — таковы они, чеховские герои, будь то мелкие чиновники или почтенные интеллигенты. «Куда я пойду за вашими героями? С дивана до нужника и обратно. Ведь им и ходить-то больше некуда», — пошмеиваясь, говорил Чехову Лев Толстой. С такими героями романа не заведешь. Невольно от своих персонажей художник спешит поскорей отделаться. Оттого и в своей писательской работе Чехов знал один основной девиз: покороче! «Что я ни читаю, свое или чужое, все представляется мне недостаточно коротким. Писать длинное — не весело, — признается Чехов в письме к Суворину. — Видеть после красивых шекспировских злодеев эту мелкую, грошевую сволочь, которую я изображаю, совсем невкусно», — жалуется писатель. Ни одного яркого события: серый, вязкий, мучительно засасывающий быт. И болотными пузырями в этом быту вскакивают и расплываются в записной книжке писателя анекдоты о тещах и дачных мужьях, о старых девах и кокетках, о новгородных визитерах и рождественских гусях, о насальных поцелуях или масляничном чревоугодии...

Этот быт в реакционнейшие 80-е годы порождал собирательный тип «антигероя»: обывателей, трусов, хлюпиков, нытиков, неудачников, лишних людей... Только коротенькие рассказы да бессюжетные лирические пьесы могли прийти по мере обывателям — восьмидесятникам, теоретикам малых дел, жившим и умиравшим в узлом масштабе под неуспешным присмотром всероссийского унтера Пришибеева.

В создании короткой новеллы Чехов достиг предельного мастерства. Недаром Толстой называл его «Пушкиным в прозе». Сила писателя была в том, что он показывал с предельной правдивостью, сжатостью и точностью то, что он видел. «В рассказах Чехова, — указывает А. М. Горький, — нет ничего такого, чего бы не было в действительности. Страшная сила его таланта в том, что он никогда ничего не выдумывает из себя, не изображает того, чего нет на свете, но что может быть хорошо, может быть желательно».

Правда, которую показывал Чехов, была безысходной правдой. Он не видел той «правды будущего», которую вскоре возвестил великий пролетарский писатель Максим Горький своими рассказами. Чехов не видел будущего, у него не было «общей идеи», и это лишило его ощущения каких бы то ни было целей, близких и отдаленных. В одном из своих, неоднократно цитировавшихся писем к Суворину Чехов рассказал, как он, «разночинец, воспитанный на чиновничестве, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, много раз сеченный... выдавливал из себя по каплям раба». Раба он в себе выдавил настолько, что смог с беспощадной хирургической правдивостью вскрыть нутро обывательщины. Но, выдавив из своей крови раба, он, Чехов, не впял в нее бунтарских чувств. Он оставался только мечтателем, сторонником медленного про-

гресса, ограниченным буржуазным реалистом.

Правда, временами он мечтал «выпадать из такой большой пушки, что задрожали бы небеса» (письмо к Суворину, 1889 г.). Но чтобы добиться этого, он хотел... «прожить еще 40 лет».

Мелким и бескрылым темам, подавленным в поле зрения Чехова, как мы видим, вполне соответствовали и темы, представлявшие его воображению. Это были страшные своей медлительностью темы. Его герои, разрабатывая «теорию счастья будущих поколений», отодвигали эти хорошие времена в достаточно отдаленное будущее. «Через двести—триста, наконец, тысячу лет — здесь дело не в сроке — настанет новая, счастливая жизнь», — рассуждает Вершинин. Примерно в таком же духе рассуждал и сам Чехов.

Исторические события, как мы знаем, вдребезги разбили эти представления о темах развития нашей страны. Двух-трех социалистических пятилеток оказывается достаточно, чтобы осуществить то, на что чеховское воображение отводило столетние сроки. В данной статье поэтому уместно ограничиться одним основным вопросом: как звучит Чехов в наши дни, в эпоху войн и революций?

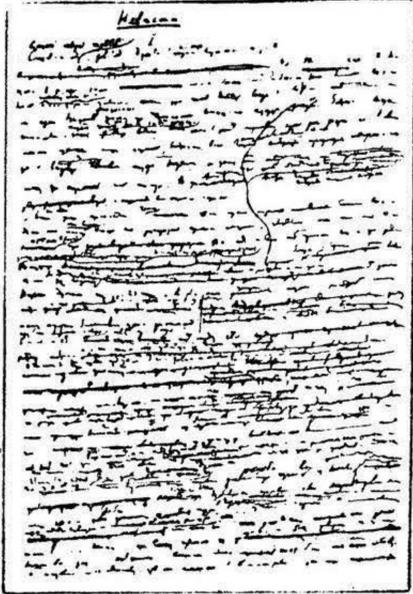
В первые годы войны и революции казалось, что Чехов окончательно исчезает из читательского обихода. Наступали времена ярких и быстрых событий. Чеховские персонажи попристались, как клопы за обои. Было смешно и странно читать чеховские рассказы или смотреть чеховские пьесы.

Когда известный английский журналист Артур Ренсом впервые в январе 1919 г. посетил новую, советскую Москву, он первым делом отправился в МХАТ смотреть «Дядю Ваню» Чехова. Но не столько тончайшее искусство театра и чеховской драматургии поразило его, сколько самый неожиданный контраст между тем, что он видел на сцене, и тем, что он видел в стране. За стенами театра и в партере двигались люди — «кожаные куртки», отнюдь не собиравшиеся отдыхать, мечтательно созерцая небо в алмазах, как то призывалось со сцены. Это были новые люди, «штурмовавшие небо», запитившие первую в мире пролетарскую республику, крепко зажатую в огненном кольце интервентов.

«Бездна отделяет Чехова от нас», — воскликнул Артур Ренсом, зака-

чивая одну из глав своей книги «Шесть недель в советской республике». Поистине Чехов казался литературным представителем другого мира и другой страны. Это восклицание Артура Ренсома тем пикантнее, что как раз в эти годы Чехов становится чрезвычайно модным писателем на Западе (особенно в англо-саксонских странах!). Чеховские темы и мотивы начинают доминировать во всем буржуазном мире от Токио до Нью-Йорка.

Странно? Казалось бы, годы кровопролитной бойни, уничтожившие десятки миллионов жизней, могли бы снять и чеховские настроения лишних людей на Западе. Не были же лишними для буржуазии миллионы юношей, спешно мобилизованные в военные годы. Ведь не была же скучной история военных лет. Это предположение, однако, оказывается явно ошибочным. Достаточно было кончиться войне, как число лишних людей в послевоенном обществе удваивается и утраивается. Как раз в послевоенные годы этот термин — лишние люди — начинает особенно энергично звучать. Жорж Клемансо в период Версаля, отвечая немецким делегатам, жаловавшимся на голод в стране, заносчиво ответил: в Германии 20 миллионов лишних людей.

Снимок первой страницы рукописи последнего рассказа А. П. Чехова — «Невеста».

Маленькие люди почувствовали себя лишними не только в Германии, но и в странах Антанты. Речь идет не только о миллионных цифрах безработных. Ибо не поддается статистике гораздо более внушительное количество представителей того поколения, которое, закончив скучное сидение в окнах, почувствовало себя внутренне бездомным, душевно опустошенным и психологически безработным. «Потерянное поколение» — так назвал его Хемингуэй.

Вот почему чеховские персонажи, ощущающие, что «жизнь не удалась», тоскующие нытики располагались не только по новеллам такой «штатской» писательницы, как Катерина Менсфальд, но и по чисто военным произведениям Ремарка, Дос-Пассоса, Хемингуэя и многих, многих других.

Чеховская тема расцвела на Западе. Но не расцвели в литературе загнывающего капитализма писатели чеховского типа, художники, способные правдиво, экономно, без всякой фальши показать обывателя.

Чеховская тема искажается, деградирует, приобретает декадентские черты. Уже в русской, послечеховской буржуазной литературе писатели позволяли себе явно нереалистичский подход к мешанину. Тема возводится в некий абсолютизм. К обывателю упадочные писатели подходят с мистическим трепетом, явно преувеличивая размеры этого чрезвычайно вредного, но маленького клопа. Такими романы Сологуба «Мелкий бес» и «Навыи чары». Такова истерическая жестикация Леонида Андреева. Но особенно наглядно можно иллюстрировать, до каких гигантских размеров вырастает тема о сером обывателе, проследив творческий путь Джойса — от чисто чеховских «Дублинцев» к монументальному произведению «Улисс». Под пером ирландского мастера обыватель приобретает циклопические размеры. 800 страниц посвятил Джойс описанию только одного дня серенького Леопольда Блюма, неотступно выслеживая каждый его шаг, любую незначительную мысленку.

Здесь ничего общего с чеховским стилем живописания обывателей. Чехов показывал обывателя таким, каким он был и есть: ни верхком больше, ни верхком меньше. Он не приподымал мешанина на ходули, он не предоставлял ему большей литературной жилплощади, чем та, которую мешанина заслуживал, он, наконец,

не хоронил его с той пышностью и торжественностью, с какой это проделывали немецкие экспрессионисты от Франца Верфеля до Георга Кайзера...

Отнюдь не случайно современная литература загнывающего капитализма предельно искажает перспективы, изображая обывательский мир. Это — литература тех писателей, которые капитулируют перед обывателем (а посему стараются оправдать позорную сдачу мешанину возведением этого образа в некий страшный мистический абсолютизм). Именно эта литература ежедневно и ежечасно воспитывает обывательское, т. е. покорное, непротивленческое отношение к будущим войнам.

На фоне этой литературы мы ощущаем силу чеховского зоркого глаза. Разумеется, Чехов знал ущербность своего реализма. «Мы пишем жизнь такой, какой она есть, и дальше ничего», — говорил он. И поэтому выступал не как учитель жизни, а как проповедник искусства... писать коротко, выражаться точно, правдиво и трезво. Он был последним из русских буржуазных реалистов, чье стилистическое оружие мы можем использовать в нашей борьбе.

Ибо тема чеховщины не снята с повестки дня. Она является острой темой для современного буржуазного мира. Она является одной из тех тем, игнорировать которые мы не можем и не собираемся. Мы разрушили устой капитализма в нашей стране, но остатки разбитых классов еще продолжают шевелиться. Живучи обывательские клопы, расплозшиеся по закоулкам. «Живучи остатки кулачества», — говорил т. Каганович на пленуме Комиссии партийного контроля. — Мы их еще не добились до конца. Этих врагов мы должны доканать не фразами, не болтовней, не общей постановкой вопроса, а на деле».

Мы будем строить нашу литературу, разоблачающую обывательские настроения, не путем общей постановки вопроса, а изучением всего лучшего, что создали буржуазные художники-реалисты на тему о рядовом обывателе. Только тогда мы на деле выполним великое задание, поставленное перед нами второй пятилеткой: выкорчевать корни капитализма не только из экономики, но и из сознания людей. Так вопросы освоения чеховского наследия связываются с огромными задачами, встающими перед нашей литературой.